

Печеницына
Лилия
«Гражданин России»

16+

Лилия Валентиновна Печеницына

Гражданин России

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51850554

SelfPub; 2020

Аннотация

Главный герой поэт-декабрист рассказывает об одном из своих воплощений в России на стыке 18-го и 19-го веков. Наряду с описанием жизни героя в период событий, предшествующих восстанию декабристов, читатель найдет в произведении глубокий анализ законов Вселенной, прикоснется к величию Милосердия.

Содержание

Предисловие	4
Отчаяние	8
Невеста	13
Зарождение революционной идеи	23
Поэт	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Предисловие

Кому еще я мог продиктовать свое послание человечеству, как не ей? – той, что поставила в церквушке свечку за упокой моей Души; той, что оплакала мою судьбу, проливая горькие, наполненные смыслом, и никем не обнаруженные слезы? Никем, кроме меня... Я не стал бы рассекречивать тайны прошумевшей во Вселенной, но сокрывшей Истину истории, но меня тронули слезы той, что не сумела воспринять ложь как сверкающую золотом монету. И, спустя века, я обращаюсь к леди, облаченной в цвета искренности, а через нее – к тем, кто не утратил чувство патриотизма (есть ли такие?)...

Я был в тот миг рядом и твои слезы были моими слезами, твоя неутоленная печаль – моей невысказанной грустью, твоя боль – моей незаживающей раной, твоя потеря – моей гибелью. Впрочем, я всегда с тобой, где бы ты ни была, хотя ты считаешь, что одинока в мире, знакомом тебе с детства... Ты никогда, никогда не будешь забыта мной. Но, милая моя, чудесная, тебе не придется встретиться со своим Близнецовым Пламенем ни в этом году, ни в следующем, ни даже через пять лет... Ты так далека от меня, голубушка! И в то же время так близка моему существу, что между нами не возникает пропасть расстоянием в несколько сот лет, несмотря на твою жизнь в настоящем и мою – в прошедшем. Я не мо-

гу протянуть руку и привлечь тебя к себе, утешить: между нами завеса, разделяющая миры; никто не вправе разорвать эту завесу (иногда мне кажется, она призрачна, до смешного призрачна!). Единственное, что я сейчас могу, так это пробудить в тебе желание взять лист бумаги и перо (спотыкаюсь. не перо, конечно, – ручку) и начать транслировать в мир пережитое мной когда-то...

Я не осознавал роль, с которой пришел на Землю, хотя и чувствовал свое Предназначение. Но мне роль не казалась ролью: я жил по-настоящему! Видит бог, я не играл, не притворялся, не казался, но БЫЛ. Теперь-то я знаю, что не я играл роль – она сама меня вела, а я, скорее, находился в позиции пешки в мировой интерпретации фактов. Кабы знать все доподлинно, так я бы сдался: отказался бы от роли, ведь не пристало Духу мерцать в виде марионетки, которую направляют кукловоды. Но я ничего не знал о сюжете, в котором мне предстояло заявить о себе на весь мир... И, видимо, ЭТО благо, поскольку кукловоды в моей истории не принадлежат сфере Земли, они – небесные. Впрочем, матушка моя в некотором смысле оказалась той, кто выступил в роли земного кукловода: именно она уговорила небеса обратить внимание на мою персону. Если бы не она, я мог бы родиться в одном веке с тобой, звезда моя, и мы бы вместе развязали кармический узел! Однако... я искупаю ошибку до сих пор и остаюсь не рожденным призраком настоящего и погасшим призраком прошлого. Но сожалеть не приходится (интерес-

но, как смириться с предначертанным?): именно так все и было задумано от сотворения мира. Иначе – у меня была бы другая мать. Иначе – ты, мечта моя, не писала бы эти строки... Иначе – Россия пошла бы по другому пути развития. В чем же моя ошибка, возможно, ты хочешь узнать? – в малом: в том, что возомнил себя богом (ты верно поняла: я сейчас горестно усмехаюсь). Но разве был у меня другой выбор? Разумеется, нет (хотя во мне и бушевала убежденность в том, что мое сознание творит реальность). Однако, отсутствие выбора в век 19-й карму предшествующего не снимает: ниточка ошибочных действий тянется не с 1825 года и ни с 1795, года моего рождения в облике Р.К.Ф., а гораздо раньше. Когда-нибудь тебе станет известно и об этом факте моей биографии. Но не сейчас. В данный период раскрытия вселенской мудрости – уместно проследить историю, когда мой образ воплотился в Рылееве Кондратии Федоровиче. Не плачь, моя хорошая, ты не можешь не чувствовать: наши жизни не обесценены вечностью, наши редкие встречи с тобой, когда мы, будучи близки, не узнаем друг друга – часть Сокровенного Замысла, наша любовь не дает смерти отпраздновать торжество. Да будет благословен тот миг, когда информация о Близнецовых Пламенах хлынула в Россию!.. Невыразимо печально, но эта информация была для меня недоступна на стыке отшумевших веков... Тогда все было совсем иначе, даже помыслы людские. Однако же, созерцая различия, неизбежно обнаруживаешь их единый Ис-

точник, первопричину всего сущего, – и замираешь в благоговении.

Отчаяние

Представь... Комнатушка дома бедных дворян: протертые кресла и диваны, облупившиеся столы, расшатанные стулья, мутные от воздействия времени и бедности зеркала, ветхие кровати. Ночь. Рылеева Анастасия Матвеевна (моя матушка), Рылеев Федор Андреевич (мой отец) и домашний доктор стоят у постели умирающего трехлетнего ребенка.

Домашний доктор держит малыша за руку, нащупывая пульс: «На прошлой неделе у меня был похожий случай... Тоже мальчик... (Прикладывает ухо к груди ребенка, чтобы прослушать сердце.) Не смог спасти...». Анастасия Матвеевна кидается доктору в ноги, хватая его за полы сюртука: «Доктор, умоляю!..».

В глазах моей матушки столько надежды, что доктор не в силах выдержать ее взгляда (роняет молоточки, тыкалки и зажимы) – отворачивается, отходит от кровати умирающего. Сожалеет шепотом: «Я не в силах...». Матушка в ужасе вскрикивает. Домашний доктор ищет возможности уйти от ответственности: «Анастасия Матвеевна, не отчаивайтесь! Доктор из Петербурга, знаете о нем? говорят, светило, вот-вот заглянет и в ваш дом... Как же медленно текут минуты...».

В комнату входит мужчина лет пятидесяти с саквояжем в руках. Очевидно, доктор. Федор Андреевич быстрым шагом

направляется к вошедшему: «Здравствуйте, Терентий Семенович! Мы так много слышали про ваше искусство врачевания! Одна надежда на вас. Спасите дитя, ради Христа».

Анастасия Матвеевна бросается к петербургскому «светилу», складывая руки в молитвенном жесте: «В жару который день Коня мечется, никого не узнает, задыхается». Терентий Семенович приближается к кроватке ребенка, склоняется над ней, осматривает мальчика. Анастасия Матвеевна и Федор Андреевич отходят вглубь комнаты. Тем временем домашний доктор с петербургским «светилом» вполголоса что-то обсуждают. Проходит минута, другая. Анастасия Матвеевна не в силах больше ждать, идет к постели своего ребенка; с мольбой смотрит в глаза доктора, приехавшего из Петербурга. Для нее он – Бог, способный сотворить невероятное. Терентий Семенович тоже не выдерживает взгляда матери, складывает врачебные инструменты в саквояж: «Бывают чудеса... Если Вы набожны, молитесь». (Уходит). Уходит? не дает надежды? – нет, Анастасия Матвеевна не в силах это выдержать, оседает на пол. Провозгласить, что она поглощена горем, значит сказать слишком мало о чувствах матери... Кажется, сию секунду мать лишится сознания. Приняла ли Анастасия Матвеевна действительность? – на мгновение показалось, ответ будет утвердительным, но нет, она вдруг стряхивает с себя оцепенение, подбегает к кроватке умирающего и всем своим видом демонстрирует протест происходящему: во взгляде читается решительность, тело собранно.

А Федор Андреевич и домашний доктор с выражением обреченности на лице направляются к входной двери. Федор Андреевич склоняется к доктору и полушепотом ему вещает: «Надежды никакой. Кондратий – третий наш, кончается. Благо, у меня еще дочь есть, Аннушка. Жена приняла ее, как родную». Домашний доктор выражает солидарность: «Я вам сочувствую, Федор Андреевич. По себе знаю: к хилым младенцам равно как к женам рано любовь отлетает...». Федор Андреевич, домашний доктор покидают комнату.

Осуждаю ли я их сейчас? – отнюдь: каждый тянет уготованную ношу по мере сил своих. Тот же, кто выходит за пределы рядовой выносливости, получает достойную награду.

Анастасия Матвеевна смахивает слезы передником и падает на колени перед иконами: «Всемогущий Боже! Скорбь матери обращается к Тебе. Ты сам молился в саду Гефсиманском: «Если возможно, да минует Меня чаша сия!». Так пойми же и меня в моем горе». Незамеченным в комнату входит мужчина, облаченный в одежду священнослужителей. Для Анастасии Матвеевны в эту особенную минуту жизни и смерти нет лиц, на помощь которых она могла бы опереться – есть только Бог: «Все страдания, какие захочешь Ты послать, низвергни на меня, но спаси, спаси жизнь моего ребенка! Ты учил нас молиться – «Да будет воля Твоя», но я говорю: только в этом, только в единственном, да будет воля МОЯ! Верни мне сына, не дай отлететь его душе. Утверди волю МОЮ! Теперь ты скажи мне: «Да будет воля ТВОЯ».

Священник со скорбной укоризной вмешивается: «Опомнись, женщина! Ты сама не знаешь, о чем просишь Господа!». Анастасия Матвеевна оборачивается на голос: «Кто осудит меня? Разве те, кто слышал предсмертный хрип своего ребенка?». Священник, распознав невидимое, упрасивает: «Не моли о выздоровлении сына! Бог всеведущ. Он знает, зачем должна угаснуть его жизнь. Бог милосерд – и Он хочет избавить тебя же от ужасных страданий». Анастасия Матвеевна не смущается: «Я готова на всё, я все страдания приму с благодарностью, лишь бы жил мой малыш, мой Коня». Но священник непримиримо наставляет: «Нам, служителям церкви, дано узреть то, что вам, простым смертным, видеть не надлежит. Страдания ждут не только тебя: будет страдать твой сын. Одумайся, пока не поздно». Анастасия Матвеевна свой вздох, вырывающийся из груди, утаивает: «Бог милосерд, ты молвил. Он пощадит нас». Священник же предрекает: «Заблуждаешься... Рабу Божьему Кондратию муки уготованы выше сил человеческих». Анастасия Матвеевна бровью не ведет: «С Богом – всё возможно. Хочу жизни для своего ребенка! Да будет воля моя!».

Так пролетела первая глава моей жизни... Матушка... Быть может, через нее мне достался бунтарский характер? Она никогда не рассказывала, что вымолила для меня спасение от ранней кончины, считала эту историю потаенной: никого не должно касаться ее воззвание к Всевышнему, никто не вправе судить и требовать объяснений причин ее сдел-

ки с Богом, «мать» священна сама по себе и все ее намерения должны рассматриваться в свете непредвзятости. Благодарен ли я сейчас моей матери за тот вызов, брошенный Богу? – ответ не нуждается в словесной оправе, ведь каждый шаг на Земле драгоценен, огранен смыслом и записан в Скрижалях Вечности. И теперь, спустя века, я вижу в Анастасии Матвеевне не просто свою мать – я различаю в ней нечто большее, сопоставимое с мудростью, верностью, истинностью.

Невеста

Я всегда был достаточно слаб в описании деталей повествования: не уделял им должного внимания, поскольку более увлекался идеями, а не миром материальности. Впрочем, иногда возникает ощущение, что в вещественном предмете смысла больше, чем может показаться в первом приближении, и напрасно я не отдавал должное деталям.

Полдень. Уютная комната в доме дворян Тевяшовых. Тевяшова Наталия Михайловна – высокая, смуглая, хрупкого сложения девушка сидит у стола, что-то пишет. Я – Рылеев Константин Федорович, молодой офицер (худошавый, с черными, слегка выющимися волосами) делаю вид, что читаю книгу, на самом деле люблюсь Наташенькой.

Наталия Михайловна отвлекается от своих занятий: «Всё. Готово». Протягивает мне лист бумаги, по которому водила чернилами.

Я слегка встряхиваю лист, чтобы чернила просохли, читаю с листа, отмечаю: «А Вы, Наталия Михайловна, делаете большие успехи в учебе. За два года усиленных занятий Вы добились значительных результатов в изучении арифметики, грамматики, истории. Признаться, я очень Вами доволен».

Наталия Михайловна вспыхивает от радости: «Ах, Кондратий Федорович, Вы всё шутите!».

Отрицаю: «Нисколько не шучу. Вы – особа крайне внима-

тельная и проявляете немалый интерес к занятиям. Это не может не дать желанные плоды».

Наталья Михайловна встает из-за стола, проходит в середину комнаты: «А сестрица моя тоже Вас радует достижениями в трудах?».

Я смущен, чувствуя подвох: «Конечно. Безусловно».

Наталья Михайловна утвердительно кивает: «Я так и знала! Вы не только меня, но и сестрицу мою, не склонную к обучению наукам, находите редкостной умницей! Вы, Кондратий Федорович, мастер людей вводить в заблуждение».

Во мне рождается импульс, идущий из глубины души: «Я всегда говорю правду. Одну только правду».

Наталья Михайловна смеется: «Ну, Вы попались! Вы даже не представляете, в какую ловушку угодили!».

Я заинтригован: «Вы о чём, Наталья Михайловна?».

Наталья Михайловна скромно теревит платочек: «Коли Вы клянётесь в своей откровенности... Вы можете предельно честно ответить на мой вопрос?».

Я без замешательства выражаю готовность: «На любой вопрос я смею ответить искренне, без тени лукавства».

Наталья Михайловна неожиданно вплотную ко мне подходит, ее взгляд становится пристально-серьезным: «Тогда скажите: Вы любите меня? (Я обескураженно молчу: еще бы! – довольно смелый вопрос.) Любите?..». (Наталья Михайловна начинает волноваться, улыбка сходит с лица.)

Я (прихожу в себя: это предложение? вот так поворот!) бе-

ру ее руку и прижимаю к своему сердцу: «Всей душой люблю Вас...».

Вдруг в комнату заглядывает Тевяшов Михаил Андреевич (отец Наталии Михайловны) и, размахивая «Московскими ведомостями», прерывает судьбоносный тет-а-тет. «Что тут происходит?! Позвольте-ка любопытствовать?! (Окидывает грозным взглядом дочь; со свирепым видом направляется ко мне.) Вы, батюшка, кажется, забылись! Я вынужден Вам напомнить, кто Вы есть, Кондратий Федорович. Вы – учитель моих дочерей. Я доверил Вам их неопытные сердца, незрелые умы. Решили воспользоваться положением?»

Задыхаюсь: «Нет, нет! Что Вы, Михаил Андреевич! В мыслях не было».

Тевяшов свирепеет: «Я те щас покажу: «В мыслях не было!» Мозги на место вправлю, можешь не сомневаться! Вмиг у меня образумишься (замахивается газетой)».

Наталия Михайловна бросается к отцу: «Папенька!..».

И тут я выпаливаю: «Прошу руки Вашей дочери!».

Краска сходит с лица Тевяшова: «Как? (Оглядывает меня и дочь, стараясь «прочесть» на наших лицах чувства, не подвластные холодному рассудку.) Верно, тут любовь замешена? Но, у меня есть и другая дочь, Анастасия Михайловна. Вы уверены в своем выборе, Кондратий Федорович?»

Наталия Михайловна возмущена сарказмом, передо мной неловко: «Папенька!».

Я собираюсь с силами: «Окончательно и бесповоротно. Невинность, доброта сердца Наталии Михайловны, её пленительная застенчивость и ум, обработанный самой природой и чтением нескольких отборных книг, в состоянии содействовать счастью каждого, в коем только хоть искра добродетели зиждется».

Отец Наталии Михайловны, зная мое положение, справедливо обеспокоен: «Но, как вы жить-то собираетесь с Наташенькой? Жену надо содержать в достатке. А ты, Кондратий Федорович, чем будешь ее покоить? Долгу на тебе много. Деревня твоя невелика, да, к тому же, в закладе. Насилу, небось, проценты можешь платить?».

Имение Рылеевых – Батово – пришлось заложить, и даже перезаложить, в Петербургский опекунский совет. Мы в течение двух с лишним десятилетий выплачивали проценты, с трудом сводя концы с концами. Батово не могло приносить нам дохода, поскольку пашни были невелики, лес в значительной мере заболочен, земля скудна. Жалею ли я о таком раскладе дел в истории моей жизни? – конечно, нет. Если бы не тяготы собственного быта, разве смог бы я почувствовать, каково приходится простому люду? Разве в сердце моем пробудилось сострадание, если бы я на себе не испытал нужду и давление пораженческой атмосферы? Разве чувство соучастия страждущим предпочтительнее чувства личного довольства?.. Разве все в моем тогдашнем окружении не способствовало мучительным думам о судьбах России?

Помимо трудностей с Батово, на киевское имущество отца покойного, коего я был наследник, наложили арест. Он был в последние годы жизни управляющим в имениях Голицыных, в чем-то ошибся – протратился, и вдова князя Голицына по смерти отца предъявила нам с матушкой иск в восемьдесят тысяч рублей. Имущество же Рылеева Федора Андреевича стоило не более десяти тысяч. А у матушки не оказалось даже нескольких рублей для выкупа ее портрета, хранившегося у отца! Я отправил ей в то время такую весточку: «О вельможи! о богачи! Неужели сердца ваши не человеческие? Неужели они ничего не чувствуют, отнимая последнее у страждущего!.. Вы пишете, дражайшая матушка, что не имеется у вас денег, дабы выкупить последнюю фамильную драгоценность, сыновнее сокровище – ваш портрет! Не присылайте лучше ко мне ни копейки, я, право, не нуждаюсь в деньгах, ей-богу, не нуждаюсь, постарайтесь только выручить портрет!».

Наталья Михайловна подбегает к отцу, обнимает его: «Благословите, папенька!».

Тевяшов немного успокаивается, ведь души в дочери не чает: «Я не запрещаю: с Богом. Только следует обдумать всё хорошенько. (Наталья Михайловна целует руку отца, счастлива.) Полно, полно!.. (Наталья Михайловна отходит в сторону.) Да, ты, батюшка, осознаешь ли важность шага? Женитьба – дело не шуточное».

Я не намерен отступить: «Понимаю всю ответственность.

Средства к жизни сыщу... как-нибудь».

Тевяшов сомневается: «Ну-ну! А в отставку выйти ты надумал некстати. Ой, не к добру!».

Я, понуро, опустив голову, пафосно декларирую: «Для нынешней службы нужны подлецы, а я, к счастью, не могу им быть».

Отец Наташеньки язвит: «Выходит, Первый кадетский корпус выпускает подлецов? Стало быть, заурядное твоё военное училище?».

Я вздрагиваю: «Ни в коем разе! Кадеты прозвали корпус «рыцарской академией» – в нём дух высокий накладывает свою печать на каждого».

Тевяшов ироничен: «Что это за дух такой?».

Рассказываю: «Михаил Степанович – инспектор классов. Он, делая обход, по четыре раза в день твердил нам: «Огромные богатства заключены в сердце человека». Поневоле задумаешься о делах выдающихся».

Тевяшов поддевает: «Как же! Я слыхал о твоих успехах, предприимчивый сорванец: говорят, ты не раз в корпусном карцере побывал. На короткой ноге знаком с беспощадной поркой? А за год до выпуска тебя чуть не исключили, так?».

Не моргнув глазом, сознаюсь: «Принял на себя провинность товарища». (Я так привык к наказаниям, что стал переносить их исключительно хладнокровно, хотя наказания и были суровыми: нас били шомполами, шпагами, сажали в корпусный карцер – настоящую «тюрьму» с зарешеченным

окошком и деревянным лежаком. Мое сердце твердило мне: «Иди смело, презирай все несчастья, все бедствия, и если оные постигнут тебя, то переноси их с истинною твердостью, и ты будешь героем, получишь мученический венец»).

Тевяшов недоуменно пожимает плечами: «Чего ради?».

Я продолжаю, не обращая внимания на реплику: «Случайно обнаружилось, что я наказан без вины».

Тевяшов оборачивается к дочери: «Гляди, Наталия, за кого ты замуж собралась! Одумайся! У соседушки нашего сын – богатый помещик. Может... Приданое-то не полагается кадетам?».

Я широко улыбаюсь (вспомнилось «приданое»): «Дали – белье и серебряные ложки».

В нашем кадетском корпусе служил в качестве эконома добрейшей души человецище – Бобров Андрей Петрович. Он все свои средства расходовал на кадет! – каждому «недостаточному» выпускнику собирал имущество – две столовые и четыре чайные ложки, три перемены белья. Вручая добро кадету, говаривал: «Когда зайдет товарищ, чтобы было у тебя дать чем шей хлебнуть, а к чаю могут зайти двое или трое – так вот чтобы было чем». И стеганых розгами, наказанных, кадетов утешал постоянно – искал случая подозвать к себе виновника, при этом, бывало, напустит на себя грозный вид, как будто желая выговор сделать, а сам гладит кадета по голове и сует ему в руки гостинец. Благодарю Всевышнего бесконечно: удивительно повезло мне на встречи с ЛЮДЬМИ.

Тевяшов ухмыляется, уже примирившись с предстоящим браком дочери: «О! С таким добром не пропадешь! Две, стало быть, ложки: одну – для тебя, другую – для будущей жены?».

Я поправляю Михаила Андреевича, мрачней (теряю веру, что союз с Наташенькой возможен): «Набор серебряных ложек».

Тевяшов издевательски, громогласно смеется: «Что ты говоришь! Набор?!».

Наталия Михайловна роняет слезы: «Папенька, или за Кондратия Федоровича, или в монастырь».

Тевяшов ошарашен: любовь?

Запинаясь, делаю еще попытку: «Я люблю Наталию Михайловну и надеюсь, что любовь моя продлится вечно».

Тевяшов сдается: «Так тому и быть... Не стану я вашей судьбе перечить. И насчет отставки твоей, Кондратий Фёдорович, скажу открыто: верное решение».

Я немного растерян: «Михаил Андреевич, Вы ж секунду назад другое молвили». Тевяшов, потирая усы, довольно щурится: «Это я «проверял» тебя, каков ты из себя. Не хочу отдавать дочь свою за военного, за перекаати-поле, который сегодня здесь, а завтра – бог весть!».

Ободренный, начинаю строить планы: «В моем случае отставкой решается важное дело: я смогу взяться, наконец, за благоустройство разоренного Батова. Маменька там одна не справляется: любезная моя сестрица Анна Федоровна в Пе-

тербурге, в пансионе Рейнбота».

Тевяшов одобрительно кивает: «А вот это – разговор. Ваше расстроенное имение год от году более и более уменьшается».

Я поясняю: «С тех пор как папенька умер...».

Тевяшов поучает: «Не мешает поправить домашние обстоятельства».

Планирую без оглядки: «Я настроен в скором времени выправить доходы от деревни».

Тевяшов пожимает мне руку: «Добро, добро!».

Отец Наташеньки выходит из комнаты, бормоча себе под нос: «Одна дочь пристроена, слава Богу».

Предваряю твой вопрос, любимая: нет, ты не рождалась Тевяшовой Наталией Михайловной, не с тобой я сочетался браком, не тебе желал быть верным всю свою жизнь (в тот момент бытия). Но моя встреча с Наташенькой и впрямь была судьбоносной, знаковой, неизбежной. Благодаря ей я получил урок, который жжет мою душу до сих пор, и не дает презреть важное – причинно-следственные факторы. Иногда я спрашиваю пространство бесконечного: если бы ты воплотилась в образе Наталии Михайловны, может, ты смогла бы уберечь меня от беды?.. Интересно, давно ли я стал любителем риторических вопросов?.. Прости меня, любимая, я не вправе перекладывать на тебя ответственность за свои поступки, да и желания такое во мне родиться не может: ты слишком дорога мне и слишком я осознаю, что стоит за

словом «ответственность»... Интересно, ты читала мою оду «Любовь к Отчизне»?.. Одно только слово, прозвучавшее в ней, – «гражданин» – решило в моей судьбе и в связях ее с судьбой России всё.

Зарождение революционной идеи

Мы часто собирались у реки: любили расположиться на траве, погреться на солнышке. В тот день нас собралась небольшая группа – молодые офицеры: Косовский Александр Иванович, Миллер Федор Петрович, офицер в очках (фамилия потеряна в веках) и я. Мы встретились, чтобы отдохнуть, наслаждаясь красками и звуками природы. Кое-кто из нас был полураздет, но, по некоторым деталям одежды было очевидно, что все мы – прапорщики. Вдалеке виднелось имение Тевяшовых. Вечерело. Шла беспечная болтовня, естественным образом я стал центром, вокруг которого закрутились фразы.

«Ну, как Вы находите Подгорное? Красивое имение, правда?».

«Здесь пахнет свежестью и чистотой дикой природы. Интересное местечко. Не жалею, что заглянул в столь безупречную обитель».

«А мы с Миллером любим бывать у Тевяшовых. Частенько сюда наведываемся, не даем скучать Рылееву».

«Уверен, Рылеев скучать не умеет: Константин Федорович и без вашей помощи способен найти себе целый рой занятий».

«С истиной не поспоришь. Уж, конечно, без нашего участия Рылеев собирается жениться».

Все смеются. Поступает предложение искупнуться в речке.

Косовскому вспоминается случай (меня касающийся): «Один вон искупался (кивает в мою сторону). Чуть не утонул».

Офицер в очках (сомневается): «Да, ну?».

Косовский: «Рылеев плавать не умеет».

Офицер в очках: «А чего полез тогда?».

Я: «За уткой». (Все смеются.)

Офицер в очках: «Я понимаю – за лебедем: не грех! Но за уткой?!» (Раздается новый взрыв смеха.)

Мне было весело, когда делился воспоминаниями с товарищами: «Я в лодке на другой берег Дона переправлялся. Когда переезжали самую быстрину реки, я увидел плывущую по течению убитую дикую утку. Потянулся, чтобы схватить её и упал за борт. Лодочник бросил вёсла, ухватил меня за одежду. Лодка накренилась, и он сам чуть не упал в воду. С трудом, но лодочник меня из воды вытащил».

Косовский: «Вы, Кондратий Федорович, как никто из нас, постоянно попадаете в невероятные истории. И друзьям по причине Вашей резвости приходится испытывать на себе всю остроту опасных приключений».

Миллер удивляется верному замечанию Косовского: «Александр Иванович, Вы же прям в яблочко попали! Мне до смерти не забыть, как я Рылеева чуть не застрелил из заржавленного ружья».

Офицер в очках: «Когда?!».

Миллер: «Было дело. По неосторожности. Всё обошлось, слава Богу».

Я дружелюбно усмехаюсь: «Эх ты, и убить-то не сумел. А еще знаток оружия!».

Офицер в очках: «Ну-ка, ну-ка, Миллер, расскажите, что за история!».

Миллер: «Я купил ружье у мужика, который откопал его в степи из кургана. Стал осматривать ружье, чтобы удостовериться: не заряжено. Рылеев стоял напротив. Комнатка, где мы находились, маленькая – три шага. Сначала я дул в отверстие ствола, затем попросил Рылеева приложить руку к затравке. Спрашиваю: «Ну как?» Отвечает: «Воздух проходит свободно». Тогда я взвожу курок и прошу Рылеева посторониться. А он вдруг засмеялся: «Стреляй! Стреляй из пустого ружья. Я стоял уже дважды против пистолетных пуль, так не приходится прятаться от заржавленного ружья. Спускай курок!» В это мгновенье «небо обрушилось» – раздался страшный грохот и сверкнул огонь. Что вы думаете? – заряд крупной волчьей дроби врезался в деревянную стену чуть-чуть выше левого плеча Рылеева».

Офицер в очках: «Похоже, судьба лелеет и хранит Вас на каждом шагу, Кондратий Федорович. Завидую Вам! Ни вода, ни огонь Вас не берут!».

Моя бравада решала многое в те годы, я хорохорился и бросал вызов пространству, не задумываясь о вариантах

жизненного пути.

Ответствую товарищам: «Что же тут мудрёного? Я уверен, что судьба никогда не перестанет покровительствовать тому гению, который ведет меня к славной цели».

После этого моего заявления, офицеры плотно обступают меня.

Косовский: «Но в чем же заключается эта цель? Пожалуй-ста, откройтесь, если не всем сразу, то хотя бы одному по выбору. Вы молчите? Дурного же Вы мнения о своих товарищах! А, может, среди нас и нашелся бы такой, который смог бы умно обсудить с Вами Ваши идеи, лишь бы они клонились к пользе».

Офицер в очках: «Да, бросьте, Александр Иванович! Я не верю, что Кондратий Федорович попал на счастливую мысль. Как благородный человек, он не стал бы таить сокровища от друзей».

Я: «Собираюсь ехать туда, где люди живут и дышат свободно».

Косовский: «А куда бы, например, ехать?».

Я (безапелляционно): «В Америку! (Офицеры недоуменно переглядываются.) Непременно в Америку! Я собираюсь купить там участок земли и положить основание колонии независимости. А кто из вас захочет жить по собственному произволу и не быть в зависимости от подобных себе, забыть о том, что такое русское лихоимство и беззакония, тех я приму с распростертыми объятиями».

Офицер в очках: «Нелепая затея».

Косовский: «Колония независимости – пустая фантазия. Для этого нужны большие средства, да и охотников ехать в такую колонию среди дворян не сыщешь».

Я начинаю терять терпение: «Господа, вы или не в состоянии, или не хотите понять, куда стремятся мои помышления. Умоляю вас, услышьте меня! Отечество ожидает от нас общих усилий для блага страны! Души с благородными чувствами постоянно должны стремиться ко всему новому, лучшему, а не пресмыкаться во тьме. Вы видите, сколько у нас зла на каждом шагу, так будем же стараться уничтожать его и всё переменять на лучшее! Не подчиняться никому – наше право. Надо стремиться к равенству вообще и идти путем здравого рассудка».

Офицер в очках (обращается к Миллеру и Косовскому, пытаюсь найти в них поддержку): «Нет, нет! Он смеется над нами! Он силится доказать нам красоту того, чего не существует. Пустословием Рылеев прикрывает свою нелюбовь к службе, а из нас каждый чист совестью».

Я (ох, и слеп же был): «Вижу, мне предстоит множество трудов! Жаль только, не имею сотрудника. Потребуется много силы воли, чего ни в одном из вас я не замечаю».

Миллер: «Итак, Кондратий Федорович, ты остаешься при своём. Ты стремишься к благородному, великому! Но мы не наблюдаем в тебе больше ума и способностей, чем в любом из нас».

Косовский: «Любезный Кондратий Федорович, раз уж Вы говорите о всеобщем равенстве, так покажите нам пример: начните сами чистить платье и сапоги своему крепостному – Ефиму да бегите к колодезю за водой!».

Мои офицеры от души смеются.

Я негодую: «Вы не знаете всех моих мыслей и, конечно, не можете понять всего, как следует, хоть бы я вам и объяснил. Вы сами, изначально, выбираете быть послушными, безгласными винтиками в цепи унижений. Вы жалкие люди и умрете в неизвестности».

Косовский, Миллер озорно перемигиваются.

Офицер в очках (ехидно): «А Вы не умрете?».

Моя роль Рылеева активизирует свои позиции: «Я знаю и твердо убежден, что имя мое займет в истории несколько страниц».

Миллер: «Кондратий Федорович, мы готовы признать тебя человеком особенным, но для начала разберись-ка со своим долгом. Ты год целый не можешь завести чистого белья, старое уж расплзаться начало. Ну, разве доступны великие дела на благо России подобным пигмеям?». (Офицеры хохочут.)

Я: «Прощаю тебя, Миллер, ибо ты не подлец. Но в следующий раз, когда надумаешь стреляться, хотя бы и с самим чертом, не смей звать меня в свои секунданты».

Я присматривал себе союзников с целью распространять свои идеи, но не верил в серьезность многих молодых офи-

церов: вели пустую, не обремененную смыслом, жизнь; бездумно подчинялись армейскому порядку. Мне становилось душно в их обществе. Я на бумаге строил планы – истово искал пути борьбы с беззакониями, которые господствовали под видом государственных законов, страстно искал независимости – возможности ее достижения для всех. Пока это были просто мысли, раздумья, мечты, не направленные в конкретное русло. Казалось, нащупал возможность, невидимую для прочих. Я верил, что родился не зря...

В каждом из нас – божественное начало. Кто-то исследует и раскрывает его в себе, но некоторые считают: «Да, в тебе есть божественное начало, а во мне его нет» (а как же действенный пример перед глазами?).

Моей рукой некогда записаны строки, по которым многие решили, что я стремился лишь к собственной славе:

«Чтоб я молодые годы
Ленивым сном убил!
Чтоб я не поспешил
Под знамена свободы!
Нет, нет! тому вовек
Со мною не случиться;
Тот жалкий человек,
Кто славой не пленится!
Кумир молодой души –
Она меня, трубою
Будя в немой глуши,

Вслед кличет за собою
На берега Невы!».

Сейчас смеюсь, воспринимая эти строки: слава-то не моя! не о ней речь, как большинству показалось, – слава Господа! Ведь все победы справедливости и благоденствия, все победы чистого искреннего сердца – Его победы! А слава отдельной личности – всего лишь знак того, что человек совершил на Земле нечто значимое, возможно, ценное.

Как измерить границы моей наивности? Смотрю в былое не без улыбки. Мне казалось, мое имя будет искриться в вечности для многих поколений, оказалось, у вершителей судеб иные планы...

Да, сейчас мое имя забыто. Даже ты его едва вспомнила! Интересный был момент во всей этой истории, когда ты выбирала тему для контрольной работы во время обучения в Литературном институте. Пробегая по строчкам тематики «Русская литература начала 19-го века», увидела мою фамилию и вспыхнула от удивления: «О, декабрист! Революционер... да еще и поэт?!». И только это одно – поэт – способствовало выбору темы: «Творчество поэта-декабриста Рылева». Твоя рука сама потянулась за моими произведениями, за книгами воспоминаний моих современников. Ты до сих пор считаешь, что выбор случаен? Весело смеюсь, жаль ты не слышишь. Обнял бы тебя сейчас, любовь моя! Ты чувствуешь мою нежность?.. Конечно, ты чувствуешь...

Поэт

Сейчас я покажу тебе очередную картину давно минувших дней. Но, если бы ты знала, до какой степени эта картина живая! Нет, не только в моем воображении: все что было, есть и будет, разворачивается в Разуме Всевышнего одновременно.

Утро. Кабинет в моем доме. Обращает на себя внимание стол, заваленный книгами. Я перемещаюсь по кабинету, размахивая листами бумаги, исписанными вдоль и поперек. Декламирую стихи, прислушиваясь, таким образом, к звучанию поэтических строк.

– О так! нет выше ничего

Предназначения Поэта.

Святая правда – долг его;

Предмет – полезным быть для света.

В кабинет входит Михаил Бестужев: «Не помешаю? Вы заняты, Кондратий Федорович?». (Берет со стола книгу, бубнит себе под нос: «Дух законов» Монтескье». Кладет книгу на место.)

Мне всегда было очень легко в обществе Бестужева: «Я всегда чем-то занят. А Вас я очень рад видеть, Мишель! Наконец-то Вы встали с постели. Как себя чувствуете?».

Михаил Бестужев: «Значительно лучше! Спасибо Вам и Вашей жене любезной. Если бы не вы, я бы не выздоравливал

так быстро. Это ж надо, как меня болезнь свалила».

Я: «Да, Вы садитесь, Мишель. (Беру Бестужева за руку и подвожу к креслу.) Или лучше – идите-ка обратно, в постель».

Михаил Бестужев: «Пощадите, Кондратий Федорович! Я неделю бревном провалялся. Пора к жизни возвращаться. А, глядя на Вас, жизненные соки быстрее ко мне вернуться. Вы ж любого энергией зарядите: вон Вы какой – весь искритесь вдохновением!».

Я смеюсь: «По-разному бывает. Случается, напишу что-то и тут же сжигаю».

Михаил Бестужев: «Нельзя Вам нынче свои труды сжигать – они потомкам предназначены. Не вам теперь решать, какой букве Вашей умереть, а какой – стоять в полный рост. До чего же правильно то, что Вы оставили военную службу. А ведь чин офицера пленяет молодых людей до безумия, и когда-то Вы сами желали его превыше всего».

Я: «Чин офицера был мне лестен. Но ничем другим, как только тем, чтобы иметь счастье приобщиться к числу защитников своего Отечества. А в нынешнее время, как мне представляется, свет уже утомился от военных подвигов и славы героев, приобретаемой не за благородное дело помощи страждущему человечеству, но для его угнетения... Нынче наступил век гражданского мужества, я чувствую, что мое призвание выше, – я буду лить кровь свою, но за свободу Отечества, за счастье соотрочей, для исторжения из рук са-

мовластия железного скипетра, для приобретения прав угнетенному народу русскому. Справедливость должна быть основанием и действий, и самих желаний наших».

Михаил Бестужев: «И Ваши стихи – отражение жизненной позиции, которой Вы придерживаетесь».

Я: «Разумеется. Возможность быть одним в поэзии и другим в жизни воспринимается мной как двойственность. Такая возможность бросает тень на характер в целом. Это недопустимо. Нужно везде и всегда быть верным и равным самому себе. Я категорически исключаю уклончивость, игру оценками, способность попадать в тон».

Михаил Бестужев: «Вы счастливый человек, Кондратий Федорович: Вам, как поэту, выпала честь – публично называть вещи своими именами, избегая условностей светских формулировок».

Я: «В таком назывании видится мне освобождение человека и начало преобразования общества. Отраднo, что мои стихи печатать начали».

Михаил Бестужев: «Жаль, любовной лирики у Вас нет совсем».

Искренне недоумеваю по поводу такого рода сожалений: «Мишель, я убежден, художник должен отрешиться от тем узких и личных. Лишь то, что способствует счастью Отечества, может стать предметом вдохновения поэта. Моя идея – пробудить в душах своих соотечественников чувствования любви к Родине, зажечь в них желание свободы».

В кабинет заглядывает Рылеева Анастасия Матвеевна: «Коня, завтрак стынет!».

Я отрешиваюсь от завтрака: «Матушка, у нас разговор с Мишелем».

Анастасия Матвеевна: «Михаилу Александровичу надо сил набираться. А без еды откуда силы возьмутся?».

Михаил Бестужев: «Дражайшая Анастасия Матвеевна, мы чуть позже с Кондратием Федоровичем позавтракаем».

Я соглашаюсь с другом: «И отобедаем заодно».

Анастасия Матвеевна: «Тогда я пошлю к вам Ефима. Велю ему чаю вам подать».

Я: «Ефима зовите, матушка! Пусть несет нам квасу с хлебом да капустки квашеной». (Анастасия Матвеевна уходит.)

Михаил Бестужев: «Кондратий Федорович, вам бы попробовать пьесы сочинять. Дело стоящее».

Я возражаю: «В пьесе ВСЮ жизнь человека не перескажешь».

Михаил Бестужев (смеется): «А в стихах?».

Я замираю в состоянии торжества (сейчас докажу, что поэзия – это целая вселенная): «Стихи – картина души поэта. Глядя на нее, многое открывается».

Мишель в тот момент со мной не согласился, но ты, родная, знаю, не можешь не разделить мою точку зрения: поэзия – значительная часть твоей природы. И, хотя наши стихи отличаются (твои – радуга, мои – гроза; «Не лира мне дана, ... а острый меч»), в союзе Близнецовых Пламен это не игра-

ет существенной роли. Признаюсь, затрепетал, когда увидел строки, записанные твоей рукой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.